

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕТЕРБУРГА В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

Никитина Евгения Витальевна
магистрант 2 курса, ИИЯ, РГПУ,
г. Санкт-Петербург

Целью данной статьи является анализ прагмалингвистических особенностей описания Петербурга разных эпох (“Золотой век” Екатерины Великой, революционно-настроенный Петербург времен Достоевского, советский Ленинград Шостаковича и 90-е годы после развала СССР), предлагаемого англоязычным читателям авторами таких биографий как Дж.Барнс ‘The Noise of Time’, Дж.Кутзее ‘The Master of Petersburg’, М.Бредбери ‘To the Hermitage’. Являясь продуктом англоязычных авторов, данные произведения, именуемые в англоязычных исследованиях биофигуральными произведениями, «biofictions» [3, с. 131; 9, с. 2; 10, с. 4], дают яркое представление о времени, нравах, ценностях эпохи, которая в них изображена, предлагая англоязычным читателям взглянуть на Петербург с точки зрения англоязычных писателей. Эксплицитно или имплицитно при помощи различных лингвостилистических средств выражается отношение к России, Петербургу, россиянам и их (языковой) картине мира, которая является как элементом, так и продуктом своей культуры [5, с. 161].

Авторами изученных биофигуральных произведений формируется противоречивый и неоднозначный образ Петербурга в разные эпохи; с одной стороны, это яркий, выдающийся своими жителями и историей европеизированный город; с другой стороны, этот город апатичен, мрачен, не гибок, раздираем противоречиями, как и его жители.

Биофигуральная литература представляет собой такой тип текста, к языковым особенностям которого в том числе относят многообразие лингвистических средств, выражающих категорию локативности. Изученные биофигуральные произведения предоставляют богатый материал для исследования пространственных характеристик данных текстов, в частности, урбанонимы, используемые Дж. Кутзее в произведении, посвященном поездке Достоевского в Санкт-Петербург. Великий русский писатель становится главным героем биофигурального повествования ‘The Master of Petersburg’, и автор подробно изображает его прогулки и передвижения по городу девятнадцатого века: *sixty-three Svechnoi Street, Kokushkin Bridge, Meshchanskaya Street and Voznesensky Prospekt, the Church of the Redeemer near Kamenny Bridge, the Fontanka, Stolyarny Quay, the Cathedral of the Trinity in Sergiyev, the Moskovskaya quarter*. Перевод урбанонимов осуществляется при помощи калькирования, гибридных образований, транслитерации, при этом возникает то, что В.В. Кабакчи обозначает термином английский язык международного общения. ‘*Sankt Peterburg*’ - является транслитерированным топонимом, передающим национальный колорит и выступающим маркером процесса стилизации текста. Скорее всего, для того чтобы придать большую связность, логичность тексту и подчеркнуть принадлежность Дидро французскому двору, Бредбери в свое биофигуральное повествование включает французские выражения и в том числе урбанонимы: ‘*Palais d’Hiver*’ (French for the Hermitage) [7, с. 5].

Довольно большой интерес вызывают игры авторов с топонимом “Санкт-Петербург”. ‘*What did a name matter? He had been born in St Petersburg, started growing up in Petrograd, finished growing up in Leningrad. Or St Leninsburg, as he sometimes liked to call it. What did a name matter?*’ [6, с. 11] Данный пример иллюстрирует выдвигание в фокус внимания англоязычных читателей образа города, осуществляемое при помощи повтора риторического вопроса ‘*What did a name matter?*’, использования нескольких вариантов обозначения данного города в разные исторические периоды, асиндетона и парцелляции. Глубоко личный и, между тем, олицетворяющий Санкт-Петербург и всю Россию прошлого века, вопрос о значении имени для города апеллирует к фоновым знаниям англоязычных читателей, к их исторической памяти. Также, любопытным средством локализации является неологизм Барнса ‘*Leningrader*’, [6, с. 12], который он применил по отношению к молодому Шостаковичу, посредством сложения основы и суффикса - er.

Похожими приемами пользуется Бредбери, предлагая читателям сразу несколько наименований Санкт-Петербурга: ‘*Petersburg, which is also several other cities, Pieter, Petervar, Petrograd, Leningrad... the city of writers, the capital of the intense and troubled souls*’ [7, с. 215]. Аллитерация в вышеперечисленных топонимах способствует выдвиганию образа города в прагматический фокус повествования. Подобные игровые приемы имплицитно предоставляют целый информационный пласт для более глубокого изучения англоязычным читателем. Что означают слова ‘*Pieter*’, ‘*Petervar*’, ‘*Petrograd*’? Что кроется за названиями данных топонимов с исторической и культурной точек зрения?

Задачей исследования является также анализ языковых средств репрезентации категории времени. Так, специфика романа ‘To the Hermitage’ кроется в его пространственно-временной игре, которая делит произведение на две условные части: “Золотой” Екатерининский век и постсоветские 90-е годы 20 века. Таким образом, перед читателями предстает сначала “золотая” эпоха 18 столетия (‘Then’), через несколько страниц читатель окунается в новейшее время (‘Now’). Представляя англоязычным читателям постсоветскую Россию, Бредбери прибегает к использованию так называемых ксенонимов, то есть языковых единиц. ‘*We pass the Blini Bar, the Caviar Cavern,*

the Vodka Den, the Russian Bathhouse, the Turkish Massage Parlour, the Lubianka Fitness Centre, the Odessa Casino [7, с. 111]. Кажется, вся специфика русской индустрии 90-х годов предельно точно выражена при помощи данных калькированных и гибридных выражений. Иностранцы интеллигенты, по сюжету биофикционального произведения автора приехавшие в постсоветский Петербург и столкнувшиеся с едва проклюнувшимися зачатками рыночной экономики и плодами политики “гласности”, окунаются в иронически изображенную Бредбери жизнь города того периода.

Музыкальные произведения и книги, упоминаемые в романе ‘*The Noise of Time*’, привлекают внимание читателей благодаря графическому выдвиганию, так как Джулиан Барнс использует для выделения курсив: *Pravda; Macbeth; Lady Macbeth of Mtsensk; Boris Godunov; Prince Igor; One Day in the Life of Ivan Denisovich*. Упоминание ставших классическими произведений для русскоязычной аудитории разных исторических эпох, похоже на своего рода игру с искушенным читателем, отсылающую его то к древнерусскому государству во главе с князем Игорем; то к кровавому периоду Смуты 17 века; то сначала к шекспировскому Макбету, а затем, и к “Леди Макбет Мценского уезда” Лескова, которая является аллюзией на произведение Шекспира.

Англоязычные авторы уделяют особое внимание пасмурной и недоброжелательной погоде в городе, главным образом, в осенне-зимний период: *‘Winter, that brisk and vengeful northern speciality, is starting its annual siege of the city with great expedition... he goes teetering off over the surface of ice, mud, human urine and rank horseshit... Ragged frozen men work all over it, displaying that classic weary near-inertia that’s the trademark of the worldwide craft of building’* [7, с. 134]. Конвергенция стилистических приемов, таких как эпитеты, метафоры, гиперболы, неологизмы, способствует созданию достаточно реалистичной картины Санкт-Петербурга той эпохи. В этом примере время раскрывается, разворачивается, исчезают границы в пространстве, категория хронотопа, репрезентируемая в данном повествовании при помощи разнообразных лингвостилистических средств, способствует созданию у читателей ощущения Безвременья, так как, несмотря на технологический прогресс и социально-культурные изменения, климатические условия едва изменились с тех пор.

Одной из задач исследования прагмалингвистических особенностей создания образа Петербурга является изучение этнокультурной специфики его моделирования. Нельзя не отметить связь прошлого и настоящего, которая буквально пронизывает роман Малколма Бредбери, что представлено в произведении при помощи языковых средств, репрезентирующих концепт “разума” (‘*Age of Reason*’); различных способов выражения идеи о вечной “неуспокоенности” России, представленной Бредбери в диалогах Дидро с Екатериной Великой, а также современных интеллектуалов-европейцев: *‘For one thing, whenever you come to Russia it’s going to be in crisis. Because Russia always is a crisis’* [7, с. 215]. В данном примере дважды выдвигаются на первый план лексические единицы «Россия» и «кризис» (при помощи эпифорической концовки), передающие отношение автора биофикции к происходящим в России переменам.

Еще одной темой, которая красной нитью проходит через все исследуемые произведения и которая непосредственно связана с проблемой создания образа Санкт-Петербурга, является борьба русских людей за добро, справедливость, счастье на родной земле, которая постоянно сопряжена с непрекращающимися войнами, революциями, сменой власти: *‘Russia then as now was in trouble, tugged as it ever has been between west and east, the mystic promises of bourgeois dreams and the amazing passions of the Old Believers, the strange tzars and the incredible impostors, by grand utopian dreams and the burden of those endless dead souls... but still has trouble in struggling into humanity’* [7, с. 265]. Этот пример ярко демонстрирует опору автора произведения на фоновые знания адресатов, которые позволят им создать картину противоречий, раздирающих население России: наличие беды в прошлом и сейчас; территориальная ограниченность, зажатость между востоком и западом. Возможно, выражение *‘dead souls’* является аллюзией на гоголевские “Мертвые души” и имплицитно подразумевает душевную борьбу русского человека, за человечность в своей собственной стране.

Таким образом, реализация пространственно-временной текстовой категории в рассматриваемых биофикциональных произведениях способствует привлечению внимания читателей к образу Санкт-Петербурга, представляющего собой уникальное для России и противоречивое пространство, что особенно наглядно представлено в книге М. Бредбери ‘*To the Hermitage*’.

Этнокультурная специфика рассматриваемых произведений находит свое выражение также в используемых авторами аналогиях, в биофикциях часто выражающихся при помощи идиоматических выражений: *‘Well, life is not a walk across a field, as the saying goes’* [6, с. 71]. Для англоязычного читателя более близким идиоматическим выражением будет: *‘Life is not a bed of roses.’*, тем не менее, сравнение достаточно очевидно для обеих культур, так как говорит о трудностях, возникающих на жизненном пути и способствует стилизации текста, создания национального колорита.

В седьмой главе, посвященной юной петербурженке Матрене, Дж. Кутзее обращается к эмоционально-чувственной сфере читателя при помощи описания Пасхи, важнейшего христианского (в том числе православного) праздника. Об этом свидетельствуют следующие строки: *‘He wants to wake her, the woman, he wants the two of them to dance through the apartment: ‘Christ is risen!’ he wants to call out, and hear her respond ‘Christ is risen!’ and clash her egg against his... Joy breaking like a dawn!.. The word omen crosses his mind in all its dark, ominous weight’* [8, с. 67]. Данный пример наводит нас на мысль о глубоком понимании автором культурных

обычаев православных верующих, так как автор упоминает православную традицию “битья яиц”, использует религиозную лексику, создавая картину православной Пасхи, связанной с глубокими эмоциональными переживаниями.

К этнокультурным особенностям, отмеченными авторами, следует отнести отношение героев романов к русским женщинам, выраженное устами Кутзее, Бредбери и Барнса, оно наводит на мысль об уважении, почтении и даже восхищении. Ярчайшим подтверждением тому является описание Екатерины Великой (даже несмотря на ее немецкие корни, она считалась вполне русской): *‘But the great lady is, as always, wonderfully clever and ingenious’* [7, с. 40]. Затем “как бы” сам автор - Малколм Бредбери, являющийся участником исследовательской группы, посещающей Петербург, восхищается сотрудницей Ельцинской библиотеки Галиной, даже несмотря на ее почтенный возраст (около 70 лет). Наличие эпитетов *extraordinary, wonderful, truly amazing* живописуют восхитительный образ женщины, который к тому же сравнивается с счастливым ребенком, а легкость и игривость образа подтверждается двойным повтором *‘she’s waving and calling’; ‘And it’s then we hear it... like the cry of a great diving sea-bird. Then we see her: standing high on an upper deck of the terminal, an extraordinary, a wonderful, a truly amazing sight. And, though she must be well over seventy for sure, she’s waving and calling, waving and calling, just like a delighted happy young child’* [7, с. 263]

Можно добавить, что тема “русской души” сопряжена в представлении авторов со страданием, болью и совестью: *‘We’re in the city of writers, the capital of intense and troubled souls’* [7, с. 265]. Санкт-Петербург является основным местом концентрации “русской души”, еще Иосиф Бродский говорил о том, что “в Петербурге есть эта загадка - он действительно влияет на твою душу, формирует ее. Человека там выросшего или, по крайней мере, проведшего там свою молодость, - его с другими людьми, как мне кажется, трудно спутать” [2, с. 245]. По мнению А. Вежицкой, русская и англосаксонская психология принципиально различны, так в русской культуре оппозицией слову *тело* выступает *душа*, в свою очередь в англосаксонской культуре оппозицией *телу* будет слово *разум*, “Mind-body interaction, т.е. “взаимодействие тела и сознания”, а не “тела и души” [1, с. 22].

Необходимо также отметить, что поскольку все рассматриваемые произведения относятся к постмодернистской парадигме, стоит учитывать, что согласно Липчанской И. В., образ города в постмодернистской литературе отличается от образа модернистского города. Образ города в модернистской литературе строго индивидуальный и субъективный. В нашем исследовании город Петербург помещен в Большую историю, историю современного мира, судьба которого неразрывно связана с другими городами и странами, правительствами и политическими режимами, обычными и выдающимися людьми, причем постмодернистская эстетика, безусловно, накладывает определенный отпечаток на особенности моделирования пространственно-временных отношений в изучаемых произведениях [4, с. 40] Рассматриваемый в исследовании образ города в биофикциональных романах выполняет разнообразные функции, среди которых можно выделить: сюжетообразующую, диалогическую (интертекстуальную), эстетическую.

‘It could all be Venice or Vienna. Apart from the odd barbarity, it could be even civilised Paris itself’ [7, с. 4]. Бредбери прибегает к сравнению Петербурга с элегантнейшими европейскими столицами при помощи параллельных конструкций *‘it could be’*, что передает субъективное и неоднозначное отношение повествователя к северной столице. Обособленная конструкция *‘Apart from...’* вводит тему варварства, при этом, *barbarity*, предваряемое эпитетом *odd*, предстает перед читателем: странным, чужаковатым, тем самым, подчеркивая противоречивость образа самого города.

‘The Northern Palmyra - the chill capital, the heartland city so strangely stuck out here like a painted nail on the end of a whore’s frozen finger - it’s colder than the very deepest hell’ [7, с. 65]. Venice, Vienna, the Northern Palmyra - различные названия Петербурга, передающие величие города, часто используемые иностранцами для наименования Петербурга. Благодаря использованию конвергенции стилистических приемов в фокусе читательского внимания оказывается контраст и описание столицы, как чего-то великого и в то же самое время противоречивого и неуместного: *‘so strangely stuck out here’*. В подтверждение своего “объемного” видения той эпохи автор еще раз называет Петербург *‘the city of bones’* и *‘Catherine’s strange capital’*. Можно предположить, что, таким образом, автор хочет изобразить именно “множественность, многомерность смыслов”, присущие постмодернизму; «оживить» зримое в уникальной манере авторского восприятия, создать иллюзию движения во времени и пространстве, реализуя диалогическую (интертекстуальную) функцию образа города.

Полученные в ходе работы результаты и выводы позволяют по-новому взглянуть на образ Санкт-Петербурга (Ленинграда, Петрограда), на его связь с Россией и остальным миром, причем точка зрения англоязычных авторов представляет читателям уникальную возможность встроить Санкт-Петербург в глобальную историческую картину. Благодаря бесчисленным маркерам локативности, обыгрыванию культуронимов, калькированным и гибридным выражениям (отражающим специфику 90-х гг. в России), аллюзиям на классиков (особенно, петербуржцев), различным лингвостилистическим приемам, авторы создали довольно реалистичный образ города. Всевозможные отсылки к писателям, философам, политикам; также, известные в имперское и советское время цитаты, выражения; описание местности и местного колорита разных эпох, позволяют прикоснуться к Петербургу-Ленинграду-Петрограду, его культуре, истории и, главным образом, познакомиться с его населением в разные культурно-исторические периоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
олков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М. : Эксмо, 2013. 448 с.
емодурова З. М., Рой В. В. Лингвистические средства создания образа Санкт-Петербурга в англоязычных биофикциях 20-21 вв. // Лингвистика в эпоху глобанглизации. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 131-138.
емодурова З. М. Прагматика и семантика игры в текстах англоязычной постмодернистской прозы 20-21 веков.: автореф. дис. ... док. фил. наук.: 10.02.04 / Чемодурова Зинаида Марковна. СПб., 2017. 40 с.
зефович Н. Г. Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности): монография. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2013. 268 с.

a

r 7. Bradbury Malcolm. To the Hermitage. New York: The Overlook Press, 2001.

o

esteva M. Biofictions as part of contemporary fiction. Macedonia, 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа:

h

zckey M. Locating and Defining the Bio in Biofiction // a/b: Auto/ Biography Studies, 31:1, 2016. P. 3-10.

h

u

l

J

o

h

n

M

h

e

T

N

o

i

M

a

s

b

h

r

T

o

fn

e

P

e

t

e

r

s

b

u

r

g

.